

МИХАИЛУ ШОЛОХОВУ — 75 ЛЕТ

ШОЛОХОВ принадлежит к художникам, открывающим новую эпоху в литературе социалистической революции, знаменующим эту эпоху. «Тихий Дон» — это ломка всего устаревшего, отбрасывание прошлого в обществе, в семье, в душах людей, но одновременно это и устремленность в будущее, это роман, в котором наконец-то осуществилось соединение трагически оборванной связи времен. Так же, как Льву Толстому в «Войне и мире», Шолохову удалось в своей грандиозной эпопее дать художественное изображение не только отдельных, пусть и ярчайших человеческих личностей, не только нескольких семейств, общественных групп, противоборствующих общественных сил, но целого народа во всем его многообразии, глубине, неповторимости. Именно благодаря этому «Война и мир» и «Тихий Дон» высятся над материком всей мировой литературы.

Мы счастливы, что Шолохов всегда наш современник, — и в трудные, наполненные отзвуками классовых битв, двадцатые годы, и в годы коллективизации и первых героических пятилеток, и в тяжкую годину сражения советского народа с фашизмом, и сегодня, когда весь мир, затаив дыхание, следит за грандиозными успехами Страны Советов. Шолохов с нами, с «Поднятой целиной», лучшей книгой о советской деревне, романом, написанным по горячим следам исторических событий, сыгравшим в свое время огромную роль для нашей Родины и не потерявшим ныне своего социального значения для стран социалистического лагеря и всех развивающихся государств. Он с нами и с «Наукой побеждать», и с «Они сражались за Родину», и с «Судьбой человека»...

Писательская судьба Шолохова уникально счастлива. Вот поистине сын своего времени, художник, рожденный в огне Октября, в пламени гражданской войны, пришедший в литературу, овеянную горячими ветрами жизни, и принесший туда саму жизнь во всей ее неповторимости, богатстве и глубине.

Окончив свою четырехтомную эпопею «Тихий Дон», Шолохов с первых дней Великой Отечественной войны выступает не только как выдающийся публицист, он начинает печатать в «Правде» главы нового романа «Они сражались за Родину». После войны, когда все ждали от писателя окончания этой книги, он вспомнил о своем старом «долге» — и появился второй том «Поднятой целины», а работа над военным романом шла параллельно с публицистической деятельностью писателя, с его выступлениями в борьбе за мир, с многочисленными поездками за рубеж и по родной стране, с государственной деятельностью Шолохова как депутата Верховного Совета СССР, члена Центрального Комитета партии, академика, одного из руководителей Союза советских писателей, много сил отдающего воспитанию литературной смены.

Вспомним в связи с этим, как Шолохов, вдруг прервав работу в тридцатые годы над «Тихим Доном», окончания которого с нетерпением ждали миллионы читателей, совершил невероятный по смелости скачок в полную напряженности и острейших конфликтов современности и дал читателю «Поднятую целину». Он привык работать широко, привык неожиданно подключаться к новому, оставлять неоконченными прежде, даже в том случае, если это грандиозная эпопея «Тихого Дона», мгновенно отзываться на требование времени, ибо время не может без Шолохова, ибо он принадлежит ему без остатка. Шолохов с нами всегда, мы привыкли видеть его молодым, полным энергии и новых замыслов, и когда приходится вести речь о семидесятилетии со дня рождения великого советского писателя, то этим как бы отдаешь дань некоей традиции, ибо Шолохов — это само время, а время, как известно, лишено возраста.

Двадцать пять лет тому назад Шолохов был гостем съезда украинских писателей в Киеве, он выступил на нем, говорил о своей любви к украинскому народу, к украинской литературе. И вот только теперь вдруг обнаруживаешь, что Михаилу Александровичу было тогда пятьдесят лет, но кто же и когда считал годы Шолохову?

Не считали ему лета и тогда, когда он после гражданской войны, после борьбы с бандами и работы в продотряде на Дону, восемнадцатилет-

ним, никому не известным, но уже преисполненным дерзких замыслов приезжает в Москву, пробует свои силы в газетах, пишет заметки, статьи, учится буквально на лету, вдыхает в себя столичный литературный воздух, хотя легкие полны воздуха донского, степного, незабываемого. Двадцатилетний юноша кладет на стол издательства «Новая Москва» книжку «Донских рассказов», и книжка немедленно выходит с предисловием выдающегося советского писателя Александра Серафимовича, который сразу же разглядел и характер и величие дарования Шолохова.

тем временам редкостную домашнюю библиотеку, мать Анастасия Даниловна, принесшая с родной Черниговщины украинскую лиричность, влюбленность в песню. После выхода книжки «Донских рассказов» Шолохов возвращается на Дон и буквально через два года в журнале «Октябрь» появляются первая и вторая книги его романа «Тихий Дон».

Шолохову было тогда двадцать три года. Невероятно? Но вспомним Пушкина и Лермонтова. Двадцатилетних поэтов читал уже сам царь и ломал голову над тем, какое наказание им придумать. Вспомним Чехова, начавшего печататься

вался в могучую песенную стихию «Тихого Дона», кто не добовался неповторимыми шолоховскими пейзажами! Станица Вешенская для нас стала тем же, чем стали Ясная Поляна или село Михайловское.

Точность, выверенность шолоховского слова, сочность реалистической живописи, удивительное мастерство лепки характеров, высокий драматизм повествования, подлинный праздник повествования, отвращение к бессодержательной метафоричности, блестящее искусство передачи разноголосицы мира, его социально многообразия, непревзойденное владение богатствами народной речи, — все это дает право сказать, что Михаил Шолохов изображает действительность словно бы в формах самой жизни, если воспользоваться термином, употребленным в свое время еще Н. Г. Чернышевским. Для социалистического реализма как метода этот прием «форм самой жизни» является, пожалуй, одним из самых характерных, хотя ему в то же время не противопоказаны ни романтизм, ни условная форма, ни фантастика, ни сказочность, ни гротеск, если они способствуют, помогают писателю глубже, тоньше, вернее, выразительнее воссоздать картину действительности в ее сложнейшем превращении из настоящего в будущее.

СОВРЕМЕННОСТЬ всегда незавершенна, открыта, полна возможностей, переосмыслений и переоценок, она всегда ближе к будущему, чем к прошлому, и из всех художественных литературных форм именно роман может дать подлинную завершенность настоящему даже тогда, когда он несет в себе материал из прошлого, ибо для всякой большой и серьезной современности постоянно необходим подлинный облик прошлого, на фоне которого она может отенить по достоинству свои преимущества.

Когда в пятидесятые годы за рубежом начали раздаваться голоса о том, что роман как жанр отмирает, Шолохов выступил в защиту этого подлинно всеобъемлющего, многостильного, универсального жанра, и доказательством «живучести» романа как жанра являются прежде всего романы самого Шолохова.

Много можно говорить о неповторимости шолоховского дарования, но нельзя обойти шолоховского юмора, иронию, доброго прищуря глаза, той удивительной стихии народного смеха, так гармонически сочетающейся с подлинной трагедией, высокими чувствами и высокой поэзией. Смех дает Шолохову то необходимое бесстрашие, без которого невозможно реалистическое постижение мира. Смех максимально приближает автора к героям, автор как бы сливается с ними, демонстрирует нам высочайший эффект присутствия, будь то в образе Прохора Зыкова из «Тихого Дона» или дедушки Шукаря из «Поднятой целины», будь то комические ситуации, в которые подчас попадают герои во время самых трагических событий, будь то решаясь ткань целых глав. Шолохов впервые в советской литературе так широко и, я бы сказал, переосмысленно применял смех для разрушения традиционной эпической дистанции между автором и героями и для образования эпоса нового времени, для которого характерно сочетание смеха, иронии с серьезным, высоким, подлинно свободным исследованием мира и человека.

Он был основателем традиции, плодотворность которой видна хотя бы на блестящем примере поэмы Александра Твардовского «Василий Теркин». Он сделал смех, иронию народным оптимизмом, приметой не скептического, а требовательного, заинтересованного, подлинно партийного отношения к миру. Книги Шолохова — ярчайшее доказательство того, что коммунистическая партийность художника есть высшая свобода творчества: осознанное, открыто выражаемое стремление писать для народа, служить своим искусством народу. Выступая на втором всесоюзном съезде писателей, Михаил Шолохов сказал: «О нас, советских писателей, злонамеренные враги за рубежом говорят, будто бы пишем мы по указке партии. Дело обстоит не так. Каждый из нас пишет по указке своего сердца, а сердца наши принадлежат партии и родному народу, которым мы служим своим искусством».

Великий писатель советской эпохи Михаил Шолохов по праву принадлежит современникам и нашему великому будущему.

Павло ЗАГРЕБЕЛЬНЫЙ.

ВЕЛИЧИЕ ХУДОЖНИКА

«Как степной цветок, живыми пятном встают рассказы т. Шолохова, — писал Серафимович. — Просто, ярко, и рассказываемое чувствуешь — перед глазами стоит. Образный язык, тот цветной язык, которым говорит казачество. Сжатое, и эта сжатость полна жизни, напряжения и правды».

Чувство меры, в острых моментах, и оттого они пронизывают. Огромное знание того, о чем рассказывает. Тонкий, схватывающий глаз. Умение выбрать из многих признаков наиболее характернейшее.

Все данные за то, что т. Шолохов развертывается в ценностях писателя, только учиться, только работать над каждой вещью, не торопиться».

Вспомним, что это написано ровно пятьдесят пять лет тому назад, написано о двадцатилетнем юноше, написано известнейшим в то время литератором.

В разговорах о литературе, о личности писателя привыкли говорить о связи писателя с жизнью, о его знании жизни народа, об овладении теми или иными литературными секретами и приемами, но почти всегда мы стыдливо избегаем говорить о такой неуловимой категории, как талант, одаренность, а то и гениальность. Если разговор заходит о Шолохове, нельзя бояться употребить самые высокие эпитеты, о нем следует говорить как о писателе великом, непревзойденном, писателе поистине гениальном.

Да, он навсегда связал свою жизнь с жизнью тех людей, среди которых родился, среди которых рос, боролся за новую жизнь, мужал и закалялся. Следом, еще не оценены как следует те короткие московские годы литературной учебы (применительно к Шолохову следует помнить, что у него все годы были «короткими», молниеносными, таковы приметы его необычного дарования!), но подлинной школой его литературного мастерства и величия была родная среда место, где он родился 24 мая 1905 года (хутор Кружиклин станицы Вешенской на Дону), отец, выходец с Рязанщины, собравший по

с двадцати лет, умершего в сорок четыре года классиком. Можно вспомнить Томаса Манна, который свой роман «Будденброки» написал тоже, как и Шолохов, в двадцать три года. Поистине великое дарование не справляется с метрическими свидетельствами, оно не может ждать так называемые обычные представления, у него свой собственный отсчет времени.

Михаила Шолохова читатель сразу же признал, принял и вознес на высоту, достойную его дарования. Первая книга «Тихого Дона» вышла тиражом в сто тысяч экземпляров (по тем временам тираж небывалый), сегодня мы даже не можем точно сказать, на сколько десятков языков переведен этот роман, сколько сот изданий выдержал, сколько миллионов шолоховских книжек разошлось по всему миру. Цифры ошеломляющие, слава — невероятная, книга эта принадлежит к одной из самых широко и охотно читаемых книг двадцатого века. И это книга советского писателя Михаила Шолохова, лауреата Государственной и Ленинской премий, Героя Социалистического Труда, лауреата Нобелевской премии, которую он получил в год своего шестидесятилетия.

Широкие картины народной жизни развернул Шолохов в своей эпопее, в «Поднятой целине», во всем своем творчестве. Мы уже привыкли говорить: шолоховские характеры, шолоховский язык, шолоховское письмо, шолоховская беспощадная правдивость. Кто не знает Григория Мелехова и Аксиньи, других героев «Тихого Дона», Давыдова, Нагульнова, Кондрата Майданикова из «Поднятой целины», Андрея Соколова из «Судьбы человека»? Кто не плакал над трагическим концом любви Григория и Аксиньи, кто не смеялся над неудачливым делом Шукарем, кто не вслуши-